

BLACKOUT

Valerie McKean

Valerie McKean

Blackout

<https://litres.ru/73996611>

SelfPub; 2026

Аннотация

Без памяти. На чужом острове. С тремя загадочными дарами. Ей нужно вспомнить, кто она. Понять, кому верить. И выжить во второй раз. Остров Буян не отпускает гостей. Особенно тех, чьи души закрыты в нем.

Содержание

Глава 1 Переступи порог.	4
Глава 2 Горящая печь.	9
Глава 3 Колодец забвения.	18
Глава 4 Лес перевернутых вещей.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Valerie McKean

Blackout

Глава 1 Переступи порог.

Белый свет хлестнул по векам, как пощёчина. Во рту было сухо - так бывает, если пить песок вместо воды. Влажный, тяжёлый воздух гладил лицо, и в этом прикосновении не было нежности. Только предвкушение. Шум волн?.. Волн? Я открыла глаза. Прямо перед моими ногами колыхалось море. Солёный бриз ударил в ноздри и прожигал их изнутри, как слабый яд. Пенистые волны подбегали к чёрным ботинкам, облизывали кожу и откатывались, оставляя на память тёмные пятна. Боль давила на виски - тупая, упрямая, живущая где-то между сном и явью. Я поднялась с песка. Песчинки посыпались с коричневых брюк, на которых висели кожаные ремни с карманами. Я не помнила, чтобы надевала это. - Какого? - мой голос прозвучал хрипло и чуждо. Я опустила взгляд. Тёмно-зелёная рубашка облегла тело, поверх неё - кожаная портупея с маленькими отделениями. В такое разве что кухонный нож засунуть, и то едва.

За спиной шумел лес. Я обернулась и поняла: это не просто лес. Это чаща. Густая, древняя, где ветви сплелись так плотно, что между ними, казалось, разлилась сама тьма. Де-

ревья стояли молчаливыми стражами, и в их глубине что-то шевелилось - не зверь, не ветер. Другое. Я сделала шаг - и мир качнулся. Голова закружилась, перед глазами поплыли тёмные круги, но я устояла. Вцепилась в равновесие как в последнюю нить. Где-то впереди, там, где начиналась настоящая глушь, к небу полз дым. Тонкий, серый, настойчивый. Там точно были ответы. Или ловушка. Но выбора у меня не было.

На опушке я сломала ветку - самую плотную, с острым заострённым сучком. Я не знала, где нахожусь. А потому эта палка была единственным моим оружием. Лес проглотил меня сразу. Едва я шагнула под своды ветвей, как вокруг начал разливаться туман. Густой, молочный, он стелился по земле и поднимался выше - к коленям, к поясу, к горлу. Там, на пляже, всё ещё светило солнце, но здесь изо рта шёл пар, будто я шагнула в другое время.

А потом я увидела хижину. Старую, покосившуюся, но живую. Из её трубы и шёл тот самый дым. Я постучала два раза по деревянной двери. Дверь отворилась после второго стука - сама, будто только и ждала. Изнутри пахло старыми книгами и слегка плесенью. Так пахнут тайны, которые слишком долго лежали в темноте. Вокруг стояли полки со стеклянными банками, и внутри них плавало то, что я не хотела разглядывать. В центре комнаты, за огромной прялкой, сидела женщина. Её седые волосы доставали до самого пола - длинные, тонкие, похожие на паутину.

Рядом с прялкой висела белая шерстяная нить, из которой торчали пушистые волокна, будто кто-то выдирает их с мясом. Я обогнула прялку и встала перед ней. - Какого? - вырвалось у меня, и я сразу осеклась. Даже в собственном страхе мой голос звучал дерзко. Глупо. Смертельно глупо. Потому что лица у неё не было. Только морщины - глубокие, как шрамы после битвы. И чёрные впадины там, где должны быть глаза. Пустота. Две бездны, которые смотрели сквозь меня, но не на меня.

- Мне нужна помощь, вы не могли бы - начала я, но старуха уже протягивала мне пряжу. Белую. Холодную. С той самой нитью, что торчала из прялки.

Она встала. Я даже боялась шевельнуться - каждый мускул превратился в камень. Она напевала что-то себе под нос, и её старый, скрипучий голос звучал как треск сучьев в костре:

- Нити, нити, нити судьбы плетутся и образуют круг в нём ты погрязнешь в трясине своей Она подошла к столу и протянула мне старый шершавый ключ. От него веяло землёй и чем-то древним.

- Отворишь дверь - и туда попадёшь, - прошептала она.

- Я не понимаю.

Старуха уже стояла у полок с банками. Она вытащила из шкатулки медальон - тусклый, холодный, как утренняя луна. А потом приблизилась так близко, что я почувствовала запах дерева и скошенной травы. Живой запах. Слишком живой

для той, у кого нет глаз.

- Они приведут - и тебя спасут, - продолжала напевать она, не обращая на меня внимания.

- Скажи зачем? - почти выкрикнула я.

Но она уже села обратно за прялку. Снова затянула ту же песню. С самого начала. Я засунула пряжу, ключ и медальон в карманы брюк - туда, где кожаные ремни держали потайные отделения. Руки дрожали. Но не от холода. Медленно, стараясь не делать резких движений, я направилась к двери. Шаг. Ещё шаг. А потом я побежала.

Ноги понесли меня в глубь леса, мимо деревьев, мимо тумана, мимо собственного страха. Голова снова разболелась - резко, остро, будто кто-то ударил в висок. И в этот миг перед глазами вспыхнула картинка: Сильный удар. Потом - выстрел.

Я упёрлась руками в дерево, тяжело дыша, чувствуя, как кора впивается в ладони.

- Да что тут происходит? - прошептала я в холодный, сырой воздух. Никто не ответил. Только туман сгустился вокруг, и где-то вдалеке прялка всё пела свою древнюю, колдовскую песню.

Глава 2 Горящая печь.

Я шла дальше. Ноги дрожали - мелко, предательски, - но стоять на месте значило согнуться. Солнце поднялось до самого темени, жгло сверху, и пот выступал на лице солёной росой.

Из роши я вышла на поляну.

Передо мной лежали развалены - обугленные, чёрные, словно здесь совсем недавно полыхал пожар. Запах гари ударил в ноздри, горький, въедливый. А в центре, будто древний жертвенник, стоял камин с живым огнём. И вокруг него цвёл папоротник - и какие-то цветы фиолетово-жёлтые, слегка напоминавшие лаванду, но дышавшие иначе.

В этом месте словно заново родилась жизнь. Птицы пели. Насекомые вились.

И рядом с ухом что-то пролетело.

Звонкое. Хохочущее. Наглое.

- Оп-па! - раздалось слева.

- Хи-хи! - справа.

- А вот и я! - прямо перед лицом.

Я едва не отшатнулась. Передо мной, сложив ручки на груди и покачиваясь в воздухе, висела маленькая дева - с ладонь ростом, вся в рыжих искрах. Волосы её торчали в разные стороны, как подожжённая солома, и горели весело, с треском. Глаза - два раскалённых уголька - смотрели на ме-

ня с неподдельным любопытством и какой-то озорной опасностью.

- А ты интересная, - протянула она, ухмыльнувшись во весь свой огненный рот. - Давно у нас таких не было. Моя сестрица, случаем, не съела тебя?

- Сестра? - я насторожилась. - Та старуха? Слепая?

- Тсс-с-с! - Огнёвка прижала крошечный пальчик к губам и закатила глаза с таким видом, будто я сморозила чудовищную глупость. - Не называй её так при мне. Во-первых, невежливо. Во-вторых, она меня. На много-много костров. А в-третьих - она вдруг погрустнела, но тут же мотнула головой, отгоняя тень, - когда-то она была краше всех нас... бедная Макошь... Поняла? Так что держи язык за зубами.

Я промолчала. И заметила, как быстро погасла её улыбка - и как быстро зажглась снова. Словно кто-то щёлкал выключателем внутри. Она играет, - поняла я. - Но не вся игра - понарошку.

Огнёвка тем временем спикировала к цветам фиолетово-жёлтым, коснулась их ручонкой - и из ниоткуда высыпали жёлтые бутоны, маленькие, тёплые.

- Иван-да-Марья, - сказала она, заметив мой взгляд. - Мои любимые. Только рядом с ними я не плавлюсь в сырость. А здесь, на Буяне, влаги - хоть залейся. Фу-у-у, - она брезгливо передёрнула плечиками. - Ненавижу. Чувствуешь, как косточки ноют?

Я не чувствовала своих косточек. Но кивнула.

Она подлетела к камину, ткнула в огонь пальцем - тот весело лизнул её, и она захихикала, как ребёнок.

- Помоги мне, - сказала я твёрдо. - Объясни. Где мы? Как я сюда попала?

- Ой, какая серьёзная, - Огнёвка сложила ручки на груди и изобразила важную мину. - Ты на острове Буян, красавица. Сюда попадают самые интересные твари. - Она подмигнула.

- Одним словом, тюрьма.

- Тюрьма?

- Ага, - Огнёвка развела руками, и от её ладоней полетели искры. - Все мы здесь монстры. Весёленькое местечко, правда? Ресторанов нет, спа нет, одни шипы да туман. Советую не вдыхать глубоко.

Она снова улыбнулась, но я заметила: её глаза на миг потухли. И сразу снова зажглись. Она это видела?

- Но почему здесь я? - спросила я тихо.

- А ты посмотри на огонёк, - Огнёвка вдруг стала серьёзной. - Просто посмотри. И, может, поймёшь, что ты такая же, как мы.

Она не смеялась теперь. В её голосе не было игры.

Я посмотрела в камин.

И картинки ударили.

Я - в спецформе, с оружием в руках, в маске. Целюсь в мужчину в дорогом костюме. Рядом - Свят, мой напарник. Мы охотились на того, кто был вне закона. А потом нас поймали. Люди того, на кого мы пришли. И Свят он не встал

рядом. Он направил пистолет на меня.

Выстрел.

Звук в ушах перетёк в звон. В гул. В пустоту.

Я вынырнула из видения, хватая ртом воздух. Перед лицом порхала Огнёвка.

- Я была наёмницей, - прошептала я.

- Бинго! - Огнёвка взлетела вверх и сделала кульбит в воздухе. - Правильный ответ, Руслана!

Моё имя. Она произнесла его так легко, будто знала всегда.

- Что мне теперь делать? - выдохнула я. - Надо выбираться отсюда.

- Ой, всё с тобой ясно, - Огнёвка закатила глаза, но в её голосе не было злости. - Ну смотри, дорогая. Впереди у тебя три тропы. Три дороги. Три как их там судьбы, что ли.

Она взлетела выше, раскинула руки и заговорила нараспев, раскачиваясь в воздухе:

«Налево пойдёшь - в мир иной попадёшь!

Там весело? Нет. Там скука и мрак.

Направо пойдёшь - счастье обретёшь!

Да только счастье то колючее, как ёж.

А прямо пойдёшь - в Ущелье попадёшь!»

Она опустилась на уровень моего лица и зашептала театральным шёпотом:

- Там некромант. Главный злыдень. Тот, кто нас всех сюда запер. Он - и страж, и проводник, и сама Смерть в обли-

ке живого. Весёлый такой дядечка, любит гостей. Особенно потерянных.

Она выдержала паузу и вдруг хихикнула.

- Но ты не бойся! Вдруг он окажется душкой?

Я не улыбнулась.

- Что такое Ущелье? - спросила я.

Огнёвка перестала смеяться. Её лицо - маленькое, огненное - стало вдруг серьёзным. По-настоящему. И я увидела в её глазах то, что она прятала за дурачеством. Страх. И боль. И что-то очень старое, очень уставшее.

- Ущелье - это его дом, - сказала она тихо. - И могила для тех, кто не умеет выбирать.

Повисла тишина. Даже птицы замолкли.

А потом она снова улыбнулась - но уже не так широко.

Я посмотрела на неё и вдруг спросила - сама не зная зачем:

- А тебя как зовут?

Огнёвка замерла. Потом дотронулась до подбородка, изображая глубокую думу.

- Ээээ - протянула она. - А чёрт его знает. Вылетело из головы. Давно это было. Очень давно.

- Тогда будешь Агния, - сказала я.

Она вспыхнула.

Я не шучу. В прямом смысле - вся её маленькая фигурка полыхнула ярче, жарче, язычки пламени на волосах взметнулись вверх, а щёки - я могла поклясться - стали алыми, как угли в горне. Она покраснела. Огненный дух. Покраснел.

- Ч-чего? - пискнула она, ее маленькие ручонки соединились там где было сердце у людей, - Я?

- Спасибо тебе, Агния, - сказала я, не отвечая на вопрос. - Надеюсь, дождливых дней тебе не видать ещё очень не скоро.

Она моргнула. Отвернулась. Потом снова посмотрела на меня - уже без дурачества. Почти нежно.

- Прощай, Руслана, - сказала она. - Выбери тот путь, который подскажет тебе твоя душа. А не голова. У неё с этим - она покрутила пальцем у виска, - всегда проблемы.

Она легонько коснулась пуговицы на моей рубашке - у самого горла. От этого прикосновения пахло тёплым деревом и костром. А потом Агния метнулась к камину и нырнула в огонь, оставив за собой только звонкий смех и горсть искр.

Я постояла ещё мгновение, глядя на камин, где только что полыхала Агния. От неё остался только треск дров да лёгкий жар у лица.

- Прощай, - тихо сказала я пустоте.

Лес расступился передо мной - нехотя, словно выпускал добычу из зубов. А впереди, в сером мареве, уже ждали три тропы. Три судьбы. Три ответа на вопрос, который я боялась задать даже себе.

Я стояла около трёх троп.

Ветер трепал волосы, а в груди колотилось что-то тяжёлое, как перед прыжком в пропасть. И тут я почувствовала: в левом кармане брюк что-то явно мешало. Давило на бедро,

не давало ступить ровно.

Я запустила руку - и достала.

Нож.

Складной, тяжёлый, с костяной рукоятью. А на ней - гравировка: солнце и луна, сплетённые в один круг. Полумесяц обнимал диск, и они казались не врагами, а двумя половинками одного целого.

- Как я могла не заметить его раньше? - спросила я сама себя вслух.

Ответа не было. Только ветер свистел в ушах.

Я подняла глаза.

Справа - тропа, что сулила счастье. Там расцветали луга, солнце ласково обволакивало холмы, и воздух дрожал от зноя и покоя. Слишком сладко. Слишком тихо. Счастье, которое пахнет ловушкой.

Прямо - Ущелье. Отрешённое от мира, словно его вырезали из другой ткани. Над ним гремела гроза, молнии били в пики гор, а тьма пожирала то место медленно, с наслаждением. Там жил некромант. Там ждала Смерть в обличье живого.

Слева - лес. Такой же, где я встретила старуху без глаз. Чернота в гуще, ветер выл по-волчьи, и казалось, оттуда тянет холодом, который не согреть ни одним костром. Другой мир. Что могло быть там?

Я замерла.

Нож в руке нагревался - или мне только казалось. Солн-

це и луна на гравировке блеснули, поймав несуществующий свет.

А потом я поняла.

Не головой - всем телом. Тем местом, которое тянет, когда разум молчит.

Я шагнула.

Налево.

Лес распахнул пасть, принимая меня. Сзади, за спиной, ещё светило солнце и гремела гроза, но я уже не смотрела. Внутри, под рёбрами, что-то щёлкнуло - будто ключ повернулся в замке. Или не в замке. В судьбе.

- Выбери тот путь, который подскажет тебе твоя душа, - шепнула память голосом Агнии.

Душа выбрала тьму.

Оставалось узнать - зачем.

Глава 3 Колодец забвения.

Прохладный ветер прошёл по всему моему телу. Дрожь подобралась от головы до пят - к этому месту солнце явно не хотело прикоснуться. Сплошные сумерки. Даже сейчас, подняв голову вверх, виднелась луна, бледная, как лик утопленницы. Туман обнимал. Я помнила слова Агни: меньше вдыхай рядом с ним. Правое предплечье начало ныть под рубашкой. Неужели меня кто-то укусил из тех неизвестных тварей, что обитают в этом месте? Я шла прямо, туда, где луна освещала странный клочок земли. Рядом прокричала ворона. Я взвизгнула, подпрыгнула на месте и автоматически схватила нож в руку. О, боги! Это всего лишь птица. Я шла дальше. Ветки хрустели под ногами, как старые кости. Спиной я чувствовала: за мной наблюдают. Чьи-то глаза скользили по затылку, по лопаткам, по позвоночнику. Но я не оборачивалась. И наконец я вышла на голое место. Деревья расступились, будто в ужасе. Они не хотели здесь расти. Среди пустоты стоял старый каменный колодец, поросший мхом и плесенью. Рядом - ведро на ржавой цепи. Я громко сглотнула. Желание сделать хотя бы один глоток заставило подойти ближе. От колодца веяло чем-то незнакомым. Древним. Забытым. Тем, что лучше бы оставалось забытым. Я краем глаза заглянула вглубь. Ничего. Только тьма. Густая, живая, она дышала мне в лицо.

- Испей меня, - шепнул кто-то над самым ухом. Голос зловещий, скользкий, как змея. - Испей. Попробуй один раз. Я вздрогнула. Обернулась. Никого. Только лес. Только птицы кричат вдали. Мышцы напряглись до предела. Казалось, даже внутренности сжались в комок. Я сбросила ведро вниз. Цепи бились о каменные стены, грохот разрывал тишину. Глухой удар об воду пробил это забытое всеми место. Лишь бы никто не пришёл на этот звук, - подумала я. Я достала ведро обратно. Внутри - прозрачная жидкость, холодная, как сама полночь.

- Испей же, - снова этот голос. - Испей и узнаешь все секреты свои. Не выдержав, я зачерпнула ладонями прохладную водицу и проглотила. Холод прокатился по горлу, добрался до самого желудка, скрутил внутренности льдистыми пальцами. Рука не переставала зудеть - там, под рубашкой, словно кто-то водил иглой под кожей. Я хотела уже поднять рукав и посмотреть, что там, как вдруг белая пелена накрыла глаза.

«Я помню его лицо. Оно смотрит на меня каждую ночь. Из темноты. Из-за век. Из того места, где прячутся самые тихие крики. Мне было восемнадцать. Или уже девятнадцать? Я перестала считать дни после первого выстрела. Время тогда раскололось на «до» и «после». И в «после» я уже не была собой. Мы стояли в подворотне. Я, Свят и тот мужчина. Дорогой костюм, тонкая ткань, запах парфюма - такой, каким пахнут люди, которые никогда не спят в машинах и не едят в придорожных забегаловках. Он был никем для меня. Циф-

ра. Заказ. Ещё одна галочка в списке. Он лежал на земле - раненый, безоружный, беспомощный. Кровь растекалась под ним тёмной лужей, и я помню, как подумала: «Кровь везде одинаковая. У богатых и бедных. У хороших и плохих. Мы все одинаковые.». Он смотрел на меня. В его глазах не было страха. Только ненависть. Чистая, белая, обжигающая ненависть. Он знал, что умрёт. И он ненавидел меня за это. За то, что последнее, что он увидит перед смертью - мои глаза. Холодные. Пустые. Чужие.

- Руслана, хватит! - кричал Свят откуда-то издалека. Его голос звучал так, будто он тонет. - Он уже не опасен! Слышишь? Не опасен! Я слышала. Но не слушала. Мой палец на спусковом крючке дрожал. Всего секунду. Я помню эту секунду так, будто она длилась целую жизнь. Внутри меня что-то кричало: «Не надо! Остановись! Ты ещё можешь вернуться!» А что-то другое шептало: «Нажми. Это твоя работа. Ты хотела быть сильной? Будь». Я нажала. Один выстрел. Он упал лицом в асфальт. Я помню этот звук - глухой, влажный, бесповоротный. Его больше нет, и я поняла, что мир изменился. Не снаружи. Внутри меня. Что-то сломалось. Или умерло. Или просто закрыло глаза и отказалось просыпаться. Свят подошёл ко мне. Он что-то говорил, но я не слышала слов. Я смотрела на свои руки. Они не тряслись. Странно. Внутри всё дрожало, как в лихорадке, а руки были спокойны. Профессиональны. Мёртвы. Потом я побежала в туалет. Меня вырвало. Меня выворачивало наизнанку так, будто тело пыта-

лось избавиться не от еды, а от того, что я только что сделала. Будто если я вырву достаточно сильно, то смогу выплюнуть и ту секунду, и выстрел, и его глаза, и то, как он упал. Но нет. Всё осталось внутри. С тех пор я просыпаюсь по ночам. Не от кошмаров - я перестала их видеть. Я просыпаюсь от того, что руки помнят. Они помнят тяжесть пистолета. Они помнят, как палец нажимает на спусковой крючок. Они помнят, как чужая кровь была тёплой на пальцах. Липкой. Чужой. Несмываемой. Я сажусь на кровати, сжимаю ладони в кулаки и пытаюсь дышать. Глубоко. Ровно. Вдох. Выдох. Не получается. В голове голос Свята: «Ты же сильная». А я не сильная. Я просто научилась не показывать слабость. Надела маску. Приросла к ней лицом. Теперь я не знаю, где маска заканчивается и начинается моя настоящая кожа. Я встаю. Иду в ванную. Смотрю в зеркало. Оттуда на меня смотрят чужие глаза. Пустые. Холодные. Такие же, как у него перед смертью. Я не знаю, как вернуть свои. Я даже не помню, какими они были - до того выстрела. Может быть, тёплыми. Может быть, живыми. Может быть, они умели смеяться. Теперь они умеют только целиться. Я стою над раковиной, и меня тошнит. От воспоминаний. От того, что я видела. От того, что я сделала. От всех тех лиц, которые смотрят на меня из темноты каждую ночь. Где та Руслана, которая мечтала о доме? Которая хотела любить? Которая верила, что однажды всё наладится? Её больше нет. Я убила её задолго до того, как убила его. Может быть, в тот день, когда впервые взяла в руки оружие.

Может быть, раньше. Может быть, её никогда и не было - только образ, который я придумала, чтобы не сойти с ума от одиночества. Я вытираю рот тыльной стороной ладони и шепчу в пустоту:

- Ты не имеешь права разваливаться. У тебя нет времени на слабость. Но слабость всё равно приходит. Она сидит в углу ванной и смотрит на меня. Она не уходит. Она остаётся. Она грызёт меня изнутри каждую ночь. И я позволяю ей. Потому что это единственное наказание, которое я заслужила».

Меня вытянуло обратно - резко, как из петли. Вокруг только лес. Тишина. Луна. Я сидела на земле, прижавшись затылком к холодному камню колодца. Всё тело дрожало - мелко, предательски, неудержимо. Рука чесалась до ужаса - кажется, там уже подступала кровь от ногтей. Но мне было плевать. Я видела эти глаза. Я видела их снова. Те самые. Полные ненависти. Полные вопроса: «За что?» А ответа у меня не было. И никогда не будет. Я смотрела в пустоту перед собой. И в этой пустоте я видела себя. Не ту, которая стояла на поляне с Огнёвкой. Не ту, которая шла по лесу с ножом. А ту - настоящую. Ту, что нажимала на спусковой крючок. Ту, чьи пальцы помнят тепло чужой крови. Я видела жестокость. Она жила во мне, свернувшись клубком в самой глубине. Я видела слабость. Она плакала в углу, забившись в тень. Я видела отчаяние. Оно пульсировало в такт сердцу. И все они были мной.

- Я чудовище, - прошептала я вслух.

Голос сорвался. Сломался. Сгорел. Слёзы текли горящими потоками по лицу. Они жгли - не глаза, а душу. Они вымывали что-то, что держалось внутри годами. Каждая слеза была исповедью. Каждая - криком. Каждая - молитвой той, кого больше нет. Я не знала, сколько просидела так. Минуту. Час. Вечность. Внутри что-то умерло. И что-то, кажется, попыталось родиться заново.

Я сидела у камня, сжимая пальцами холодную шершавую поверхность. Слёзы уже высохли, оставив на лице солёные дорожки - как шрамы, только невидимые. Внутри всё ещё болело. Но боль стала другой. Не острой, не режущей - а тягучей, как старая рана, которую наконец промыли. Я медленно поднялась на ноги. Колени дрожали, но я устояла. Повернулась к колодцу. Чёрная вода смотрела на меня из глубины - не враждебно, не ласково. Просто смотрела. Ждала.

- Прости, - прошептала я. Голос сел, сорвался, но слова вышли твёрже, чем я ожидала. - Прости, что ты это видел. Прости, что я принесла эту кровь к твоей воде. Я не знала, зачем говорю это. Зачем прошу прощения у камня и тьмы. Но внутри, в самой глубине, что-то шептало: так будет правильно. Так надо. Вода должна простить. Иначе боль не отпустит. Я положила ладонь на холодный край колодца. Закрыла глаза.

- Отпусти, - сказала я тихо. - Отпусти то, что я носила в себе. Я не хочу больше быть ею. Я хочу быть. Другой.

Вода молчала. Но мне показалось - или в груди действи-

тельно стало легче? Будто кто-то снял с плеч тяжёлый камень, который я тащила годами. Я открыла глаза и опустила взгляд. Через карман брюк пробивалось лёгкое сияние. Тёплое, живое, серебристое, как лунный свет, пробившийся сквозь тучи. Кулон. Тот самый, что дала мне старуха Макошь. Я достала его. Он лежал на ладони - холодный, гладкий, в форме месяца. Точь-в-точь как луна, что висела сейчас над моей головой. Пальцы сами потянулись к цепочке. Я накинула кулон на шею - и металл коснулся ключицы, обжёг лёгким холодом, а потом вдруг стал тёплым. Будто луна узнала меня. Будто приняла. И в тот же миг - я услышала голос. Тихий. Бархатный. Мужской. Он обнял меня со всех сторон, прошёл по коже, как ветер, согрел изнутри, как поток живого огня.

- Ты всё преодолеешь, Рус. Я верю в тебя.

Я замерла. Сердце пропустило удар. Потом забилось чаще - но не от страха. От чего-то другого. От того, что было похоже на надежду.

- Кто ты? - прошептала я в пустоту.

Но ответа не получила. Только тепло разливалось по телу - от макушки до пят, от сердца до кончиков пальцев. Оно смывало боль. Оно затягивало старые раны. Оно говорило: ты не одна. Ты никогда не была одна. Ветер подул - резко, порывисто. Мои волосы полетели в сторону, и вместе с ними кулон. Он вспыхнул в последний раз - ярко, ослепительно - и рассыпался на сотню серебряных песчинок. Они закру-

жились в воздухе, как маленькие звёзды, а потом ветер подхватил их и унёс в глубь леса. Я осталась с пустыми руками. Но не с пустой грудью. Тепло не ушло. Оно осталось внутри - там, где раньше жила тьма. И тут я вспомнила. Рука. Правая. Та, что зудела всё это время. Та, что чесалась до крови, до безумия. Я медленно закатала рукав. Тёмно-зелёная ткань поползла вверх, открывая кожу. И там, где солнце не касалось никогда, прямо на внутренней стороне руки. Чёрный символ. Полумесяц. Он горел - не светом, не огнём. Он горел тьмой. Глубокой, древней, пульсирующей. Будто кто-то выжег его не железом, а самим мраком. Будто он был там всегда - ждал. Спал. А теперь проснулся. Я провела пальцами по знаку. Кожа под ними была гладкой - ни шрама, ни рубца. Но внутри, под кожей, что-то шевелилось. Жило. Дышало.

- Откуда ты? - прошептала я.

Символ не ответил. Но я почувствовала - он часть меня. Луна на небе и луна на руке - одинаковые. Одна смотрела сверху. Другая - изнутри. Я больше не чувствовала себя чудовищем. Я чувствовала себя воином. Тем, кто упал, но поднялся. Тем, кто заплакал, но вытер слёзы. Тем, кто убивал, но просил прощения. Я подняла голову к луне. Та смотрела на меня - спокойная, древняя, мудрая. И я прошептала в ночь - твёрдо, как клятву:

- Хорс. Я иду.

Ветер стих. Луна блеснула ярче. А внутри меня - впервые за много лет - зажглась маленькая, колючая, но такая живая

звезда. Та, что звалась силой.

Глава 4 Лес перевернутых вещей.

Я остановилась у старого громадного дуба. Ветви на нём были такими же древними, как сам этот лес — раскидистыми, узловатыми, надёжными. Взобравшись на самый верх, я решила: тут я и переночую.

Луна светила мне, а потому снизу я могла видеть всё. Глаза предательски закрылись, хотя спать на дереве было опасно — лишь бы вниз не упасть. Я ещё сильнее прижалась к стволу и задремала. Сквозь сонную пелену я слышала их.

— Руслана, — шепот прошёл прямо рядом с лицом. — Руслана.

Руки машинально упали на карманы брюк. Я не двигалась, только переводила глаза на мрачный лес вокруг. Ключ. Его не было в карманах. Он не мог упасть.

— Руслана, — опять шепот, такой мелодичный, женский.

Я чувствовала всем нутром: поворачивать голову нельзя. Увидеть, что зовёт тебя — значит признать, что оно существует. Сквозь страх я спустилась вниз. Протёрла глаза — и не сразу поняла, что вокруг уже не тот лес, где я собиралась вздремнуть. Ближайшие деревья были перевернуты так, что их корни торчали высоко к небу. На ветках кустов висели приросшие деревянные ложки и вилки, словно странные плоды. У меня предательски забурчал живот.

Ключ. Нельзя отвлекаться. Я достала нож. Луна словно

засветила для меня ярким белым светом — теперь я видела каждую ветку на кустах.

И чувствовала его.

Пристальный взгляд. Противные мурашки пробежали по затылку. Резким движением я развернулась на сто восемьдесят градусов. Только на мгновение я увидела что-то рыжее. Лиса? Нет, там уже летала золотая пыльца и дымка. Я проводила глазами туда, куда она движется. Пульсирующие пылинки застыли в воздухе.

Сзади что-то затрещало. Я боковым зрением увидела движение. Направив в ту сторону взгляд, я почувствовала, как голова моя явно пошла кругом. Деревья передо мной стали переворачиваться, торча корнями ввысь.

Снова движение. И снова пылинки. На маленьком кусту свешивались зелёные сочные яблоки. Мой живот зарычал — явно на весь лес. Я потянулась рукой к среднему плоду. Мне нужно было успокоить органы. До этого я обманула его водичкой из колодца, но сейчас он требовал, чтобы хоть что-то попало в мой рот. Я сорвала яблоко и поднесла к губам.

— Я бы не советовал этого делать, — раздался за спиной язвительный, слегка наигранный голос. Я резко обернулась. Передо мной стоял рыжий высокий парень. Он улыбался во все тридцать два зуба, глаза горели зелёным — цветом только что скошенной травы. На нём мешковато висели тёмно-синие брюки, заправленная коричневая рубашка облегла тело. Снизу он казался просто огромным. Я направила в

его сторону нож.

— Ты украл мой ключ? — процедила сквозь зубы.

— Я? — Он наигранно прижал длинные пальцы к груди, вытаращив глаза. — Как ты это представляешь? Я, значит, забрался на дерево, пока ты видела десятый сон, залез в твои маленькие кармашки и забрал ржавую фиговину? — Он нервно почесал затылок.

— Мне кажется, что так всё и было.

— Ну ты только посмотри, госпожа! — Он начал вытаскивать из своих карманов всё, что там лежало.

На землю с глухим стуком падали: салфетница, стаканы, галстук, конверт, ключ, игрушка-неваляшка, какой-то тюбик с синей жидкостью.

Ключ. Мой взгляд остановился на нём и будто застыл. Я медленно подняла глаза на эту рыжую шевелюру. Он вытянул лицо и закашлялся. Потом я поняла — он смеялся.

— Как же он туда попал? — сквозь смех спросил он.

Ответа ему ждать не пришлось. Я рванула в сторону ключа, но он тут же вспыхнул — и вместе с этим рыжим превратился в золотистую дымку. Пыльца переместилась и остановилась у дуба. Он снова стал собой.

— Кто ты такой? — спросила я.

— Как меня только не называли, — он ходил вокруг дуба, загибая пальцы, — лесоруб, боромир, мшаник, леший, курупира, кодама, аука, листун.

Я вопросительно смотрела на него, ожидая наконец отве-

та.

— Можешь звать меня Яромир, — он слегка поклонился, криво ухмыльнувшись. — Я дух всех лесов. А ты, госпожа, явно не местная. И явно не в курсе, что здесь нельзя жрать всё подряд.

— Я не «госпожа».

— А кто ж ты? — он прищурился, наклонив голову. — Воровка? Беглянка? Или просто дура, которая пьёт из неизвестных колодцев и спит на деревьях, где её любой может снять, как сливу?

— Верни ключ.

— А если не верну? — он вытащил ключ из кармана и подбросил вверх. Поймал и спрятал обратно.

Я бросилась на него.

Он исчез.

Я пролетела сквозь золотую пыльцу, больно приземлилась на колено, но сразу вскочила. Нож в руке. Глаза — по сторонам.

— Госпожа горяча, — раздалось слева.

Я рубанула — пустота.

— И нетерпелива, — справа.

Удар — снова мимо.

— И совершенно не умеет слушать, — сверху.

Я подняла голову. Он сидел на ветке дуба, свесив ноги, и жевал то самое яблоко, которое я сорвала.

— Слезай, трус.

— Трус? — он прыгнул, мягко приземлившись на корточки, и выпрямился. — Госпожа, я дух. Я могу быть где угодно. В этом лесу я — хозяин. А ты — гостья. И ведёшь себя так, будто здесь твоя вотчина.

Я сделала выпад. Он испарился и появился у меня за спиной. Я почувствовала его дыхание на шее — тёплое, с запахом хвои.

— Ключ, — прошептала я, не оборачиваясь.

— А что ты дашь мне взамен, госпожа?

— Жизнь.

— О, это щедро, — он хохотнул. — Но я и так бессмертный.

Я резко развернулась и ударила ножом. Не в него — в воздух рядом с его ухом. Он дёрнулся. На долю секунды его глаза расширились.

— Ты — начал он.

— Я не играю, — сказала я тихо. — Ключ. Последний раз.

Он смотрел на меня несколько мгновений. Потом медленно, очень медленно достал ключ из кармана.

— Знаешь, госпожа, — сказал он уже без насмешки, — ты первая, кто не побоялся ударить мимо. Все остальные бьют туда, где я был. А ты бьёшь туда, где я буду. — Он протянул ключ. Я взяла, не опуская ножа.

— Умно, — добавил он почти шёпотом. — Мне это нравится.

Я спрятала ключ в карман. Застегнула клапан.

— Мне нужно выйти отсюда, — сказала я серьёзным тоном.

— К своему солнцу? — ухмыльнулся он и посмотрел себе под ноги. — Луна всегда тянется к солнцу. И только один раз в месяц оно соединяется с солнечным диском.

Он говорил ещё что-то — про светила, про пути, про древние законы. Я чувствовала запах жареного мяса. Яромир что-то с энтузиазмом продолжал рассказывать, но я не могла больше слушать. Во рту собралась слюна. Я громко её проглотила.

— Руслана, — позвал меня певучий голос сзади.

Там, кажется, была целая кухня. Идеальный стейк дымился на тарелке. Золотистая корочка, пар. Я сделала шаг назад. Желание взяло надо мной верх. Я уже поворачивалась на зов прекрасной девушки.

— Не смей отзываться! — закричал Яромир.

Я повернулась — и удар пришёлся мне в нос. Это была его каменная грудь. Пыльца разлетелась вокруг.

— Если поддашься своим желаниям, — сказал он, держа меня за плечи, — то умрёшь, госпожа. Здесь всё, что манит — убивает.

Он поковырялся в кармане, высунув язык, и вытащил коробку.

— Вот. Держи. И больше не смей повторять подобное.

У меня в руках лежала простая деревянная коробочка. Я открыла — внутри оказался пирог. Мясной треугольник. От

него исходил такой аромат, что мой желудок перевернулся и встал обратно на место. Я откусила кусок и закатила от наслаждения глаза.

— Яр, — сказала я неожиданно для самой себя, прожёывая, — пойдём со мной.

Он замер.

— Знаешь, сколько лет я тут нахожусь? — его голос стал тише. — Я могу назвать это место даже своим домом.

— Тюрьма никогда не сможет стать тебе домом.

Он задумался. Посмотрел куда-то в глубь леса. Его унесли мысли, которые явно раздирали его душу на части. Я аккуратно коснулась его руки.

— Яр — начала было я.

— А давай, госпожа, — он снова стал собой — огонёк зажёгся в его глазах, улыбка вернулась на место. — Я не против.

— Тогда пошли, — сказала я, пряча остатки пирога в карман. — И перестань называть меня госпожой.

— А как прикажете, госпожа? — он приложил руку к груди и изогнул бровь.

Я вздохнула.

— Руслана.

— Руслана, — повторил он, словно пробуя имя на вкус. — Красиво. Пойдём, Руслана. Только предупреждаю: я плохой попутчик.

— Я тоже, — ответила я и шагнула в темноту.

Он пошёл следом — высокий, рыжий, пахнувший лесом и чем-то давно забытым. А за спиной остался перевёрнутый лес с ложками на ветках.

Мы шли через чащу. Долго. Так долго, что луна успела передвинуться с одного бока неба на другой. Яромир шагал уже впереди, раздвигая ветки так, будто они были шторами в его собственном доме. Впрочем, так оно и было.

— А вот и моё любимое место, — сказал он, когда деревья расступились.

Перед нами открылось мелкое озеро. Вода в нём была тёмной, почти чёрной, но на поверхности плясали лунные блики — серебряные, жидкие, живые. Вокруг росли ивы, склонившие свои косы к самой воде, а воздух пах тиной, кувшинками и чем-то древним, спокойным.

— Сам создал, — похвастался Яр, засунув руки в карманы. — Когда попал сюда, хотел занять зелёную поляну. Красивая была, вся в цветах. Но там уже сидела одна — он поморщился, будто вспомнил что-то неприятное.

— Полудница, — догадалась я.

— Ты её знаешь?

— Встречала. Агния.

Яромир остановился. Повернулся ко мне. В его зелёных глазах вспыхнуло что-то вроде уважения.

— Ого. Ты даже дала ей имя. — Он покачал головой. — Она огненный дух, охранявший свои поля. Знаешь, она даже на милую не подпустила меня к себе. Я тогда чуть брови не

спалил.

Я хмыкнула. Представила его, рыжего, отступающего перед маленькой огненной девушкой. Картина была забавной.

Мы остановились у самого берега. Вода смотрела на меня снизу — тёмная, прохладная, обещающая забытьё. И во мне вдруг проснулось дикое, почти звериное желание — окунуться. Смыть с себя пыль, пот, запах чужого леса, память о колодце и голосах из темноты.

— Яр, — сказала я, не оборачиваясь. — Отвернись.

— О, госпожа решила искупаться? — его голос сочился издевательством. — А что мне за это будет?

— Твоя жизнь.

— Суровая ты, — он засмеялся, но отвернулся. — Ладно. Но если ты утонешь, я не прыгаю. Я не водяной, я лесной.

— Я не утону.

— А если какая тварь водяная тебя за ногу схватит?

— Тогда ты лишишься самой интересной попутчицы в своей бессмертной жизни.

Он замолчал. Я стянула рубашку, брюки, ботинки и шагнула в воду. Она обожгла — не холодом, а чем-то другим. Тем, что забирало усталость и заменяло её пустотой. Я плескала воду на лицо, на шею, на руки, смывая следы того леса, того колодца, той себя, которая смотрела в зеркало и не узнавала.

— Только не смотри, — бросила я через плечо.

— Госпожа, я камень, — ответил Яр, стоя спиной и глядя

на луну. — У меня даже глаз нет. Совсем. Вот отсохни они.
— Врёшь.

— Немного, — признался он. — Но я честный врун.

Я почему-то чувствовала, что могу ему доверять. Это было странное, незнакомое ощущение — не проверять затылком, не держать нож наготове, не ждать удара. — Держи, госпожа, — сказал он не глядя, и кинул через плечо что-то мягкое.

Я поймала. Полотенце. Настоящее, махровое, пушистое — такое бывает только в дорогих отелях, которых я никогда не любила.

— Ты где это взял?

— Из штанишек-самобранок, — гордо объявил Яр. — У меня здесь всё есть. Скатерть-самобранка настоящая.

Я засмеялась. Впервые за время пребывания на этом острове, по-настоящему, в голос.

— С тобой, Яр, можно не ходить по магазинам. У тебя всегда всё под рукой.

Он замер. Повернул голову чуть-чуть, почти незаметно.

— По магазинам? — переспросил он медленно. — Что это?

Я вытерлась, натянула рубашку, застегнула брюки.

— Из моего мира, — сказала я. — Там есть такие места. Большие. Со стеклянными дверями. Внутри — вещи. Люди приходят и выбирают. Платят и забирают.

Он молчал. А потом сказал тихо, с какой-то странной,

незнакомой мне грустью:

— Из твоего мира, значит.

Я не стала спрашивать. Только натянула ботинки и подошла к нему. Он уже разжёл костёр. Не знаю, как — может быть, пальцами щёлкнул, может быть, просто захотел. Огонь был живым, золотым, он лизал сухие ветки и пах дымом, детством, чем-то давно забытым.

— Садись, госпожа, — сказал Яр, указывая на расстеленную скатерть.

На скатерти стояло блюдо с запечённой курицей, овощи, хлеб, даже травы какие-то. Пар поднимался вверх, и запах ударил в ноздри так сильно, что я забыла всё — и вежливость, и осторожность, и то, что вокруг лес, полный тварей.

Я накинулась на еду как зверь. Рвала курицу руками, жевала, глотала, почти не дыша. Яр смотрел на меня с тихой усмешкой, но не издевался. Только пододвинул ближе кружку с чем-то тёплым, травяным.

— Значит, ты встречала Макошь? — спросил он тихо. Так тихо, будто боялся, что деревья услышат.

— Да, — проговорила я с набитым ртом. — Я чуть не наделала в штаны, когда увидела её.

Он не засмеялся. Только глаза его стали глубже, темнее.

— Значит, она скрывается, — сказал он и посмотрел на небо.

Я хотела спросить от чего и почему у него такой голос, будто он потерял что-то очень важное, но не стала. Казалось,

эту рану не стоит ковырять. Не сейчас. Мы ели молча, а потом Яр откинулся на спину, заложил руки за голову и заговорил — тихо, мерно, как колыбельную.

— Деревья шепчут. Ты знаешь, госпожа? Они помнят всё. Каждую каплю крови, пролитую на землю. Каждое имя, произнесённое в темноте. И они говорят: скоро луна соединится с солнцем. Придёт тьма на остров. Но этот знак будут ждать все.

— Какой знак? — спросила я, жуя хлеб.

— Луна, спустившаяся с неба, — он повернул голову и посмотрел на меня. — И солнце, запертое в теле смертного. Когда они встретятся — не на небе, а на земле, в одном месте, в один час — тогда исполнятся желания всех, кто заперт здесь. Каждый получит то, о чём молил. Или то, чего боялся больше всего.

Я перестала жевать.

— Ты про меня?

— Я ничего не говорю про тебя, госпожа, — он закрыл глаза. — Я говорю, что шепчут деревья. А уж как ты это приymeшь — твоя воля.

— И где они встретятся?

— Там, где тьма гуще всего. Где живёт тот, кто не умирает.

— Ущелье, — выдохнула я.

Он не ответил. Только улыбнулся краем губ.

Я доела. Вытерла руки о траву. Легла на мягкое покрыва-

ло, на то самое, что расстелил Яр, и почувствовала, как тело наконец расслабляется. Кости перестали ныть. Мышцы — дрожать. Глаза закрылись сами собой. Сон укутывал меня, как то полотенце — тёплый, мягкий, без снов.

И последнее, что я услышала перед тем, как провалиться в темноту, был голос Яромира. Тихий. Спокойный. Почему-то уверенный.

— Значит, наш путь лежит к Ущелью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.